

SPECIAL ANNIVERSARY EDITION

WITH A NEW FOREWORD BY THE AUTHOR

"One of the great classical works of the last half century and one... the best half century."—Marshall McLuhan

Daniel Bell

The Coming

of

Post-Industrial

Society

Даниэл Белл

Грядущее постиндустриальное общество — Введение

Введение

Эта книга — о социальном прогнозировании. Но можно ли предсказать будущее? Такой вопрос способен ввести в заблуждение. Сделать это невозможно хотя бы по той чисто логической причине, что «будущего» просто не существует. Использовать термин подобным образом — значит овеществить его, предположить реальность подобной субстанции. (В своем эссе «Имеет ли футурология будущее?» Р. Нисбет пишет: «Идея футурологии состоит в том, что будущее заключено в настоящем точно так же, как настоящее было некогда скрыто в прошлом... Главное в ней, как мне представляется, — это привлекательное, но крайне ошибочное предположение, что

непрерывность времени соответствует непрерывность изменений или непрерывность событий» («Encounter». 1971. November. Курсив автора). Используя старую русскую поговорку, можно сказать, что г-н Нисбет ломится в открытую дверь. Он выбрал группу метафор — будущее, время, изменения — без связи с их содержанием или взаимодействием, таким расчетом, чтобы легко создавать несовместимость между словами как таковыми. Методологическая же проблема заключена в

видах прогнозирования различных типов социальных явлений. Поэтому я никогда не любил и не употреблял термина «футурология», который лишен внутреннего смысла.)

Будущее есть термин относительный. Можно обсуждать лишь будущее

чего-то определенного. (Это всеобщее заблуждение. Например, много говорят о сознании и

повышении его роли. Однако, как давным-давно показал Уильям Джеймс, не существует такой субстанции, как сознание, есть только сознание чего-либо (см. вторую главу его работы:

James W. Psychology: The Brief Course. N.Y., 1961 [впервые опубликована в 1892 году]). Данная работа посвящена будущему развитых индустриальных обществ. Прогнозирование отличается от предсказания. Хотя различие это весьма произвольно, его следует определить. Предсказания обычно имеют дело с событиями — кто победит на выборах, вступит ли страна в войну, кто выиграет ее, каким будет новое изобретение; они сконцентрированы на решениях. Однако подобные предсказания, хотя они возможны, не могут быть формализованы, то есть подчинены определенным правилам. Предсказания — дело трудное. События определяются пересечением социальных векторов (интересов, сил, давлений и т. д.). Хотя в какой-то степени и можно оценить их мощь по отдельности, потребуются «социальная физика», чтобы предсказать точные пункты пересечений, где решения и силы встретятся, порождая не только само событие, но, что более важно, его последствия. Предсказания поэтому (и «кремленология» хороший тому пример) зависят главным образом от знания ситуации изнутри и представляются выводами, ставшими следствием длительного наблюдения за развитием событий.

Прогнозировать можно там, где существуют регулярность и повторение явлений (что случается редко), или там, где имеют место устойчивые тенденции, направления которых,

если и не точные траектории, можно выразить статистическими временными сериями или сформулировать в виде исторических трендов. Естественно, что и в этом случае мы имеем дело с вероятностями и совокупностью возможных проекций. Но границы прогнозирования также очевидны. Чем дальше по времени уходит прогноз, тем большим становится масштаб ошибок, поскольку размах отклонений расширяется. Более важно то, что в решающие моменты эти тенденции становятся предметом выбора (в современном мире все чаще имеет место сознательное вмешательство со стороны властей) и решение (ускорить, свернуть или изменить тенденцию) может представлять собой результат политического вмешательства, способного стать поворотным пунктом в истории страны или организации.

Иначе говоря, прогнозирование возможно только тогда, когда есть основания предположить высокую степень рациональности в действиях влияющих на события людей — оценку ими издержек и ограничителей, принятие определенных правил игры, согласие подчиняться им, желание быть последовательными. Поэтому даже тогда, когда возникает конфликт, его можно сгладить посредством переговоров и уступок, если известны перечень допустимых издержек и приоритеты каждой из сторон. Но во многих социальных ситуациях — особенно в политике — на кону находятся привилегии и предрассудки, а степень рациональности или последовательности низка. Какова же тогда польза от прогнозов? Хотя они не могут предсказать результат, они способны указать на ограничители или пределы, в рамках которых политические решения могут быть эффективны. Принимая во внимание стремление людей определять свою историю, это становится заметным достижением в самосознании общества.

Существует множество различных способов прогнозирования. Социальное прогнозирование отличается от других по масштабам и методам. Наиболее важное различие заключается в том, что социологические переменные обычно независимы, или экзогенны, и воздействуют на поведение других переменных. При этом, будучи наиболее глобальными — и, скорее всего, наиболее мощными по сравнению с другими областями прогнозирования, — они являются наименее точными.

Краткий обзор разных типов прогнозирования проиллюстрирует проблему

Технологическое прогнозирование имеет дело с темпами изменения и с комбинациями факторов в рамках классов событий. Как нельзя предсказать события, так нельзя предсказать и конкретные изобретения. Можно, однако, прогнозировать необходимые последующие шаги в цепи изменений в рамках замкнутой системы. Существует возможность спрогнозировать тенденции в мире скоростей — важный фактор в сфере транспорта, — ведущие от реактивных к сверхзвуковым; можно использовать компьютерную память, экстраполировать последующий уровень возможностей и включить их в «огибающие кривые». Это осуществимо благодаря тому, что технология имеет конечные параметры, заданные физическими пределами. Так, максимальная скорость на земле составляет 16 тыс. миль в час; большая уже выведет на космическую орбиту. Быстродействие компьютера ограничено характером передающих устройств: сначала то были вакуумные лампы, затем транзисторы, а теперь интегральные схемы. Теоретически можно определить виды материалов (новые пределы прочности или веса) или процессов (например, миниатюризация), необходимых для достижения следующего уровня искомой скорости или мощности. Затем начинается освоение подобных материалов или процессов. Но это, однако, дело экономики — стоимость исследований, определение возможной выгоды, объем инвестиций, уже вложенных в существующие технологии, масштаб рынка для новых товаров и т. д. А это уже находится вне технологической системы.

Демографическое прогнозирование — а учет народонаселения есть фундамент экономического и социального анализа — представляет собой странную смесь неопределенности и модифицированной закрытой системы. Количество детей, рождающихся в любой конкретный период времени, зависит от изменений в системе ценностей, экономических колебаний и многих других факторов. Располагая данными о числе родившихся, мы можем на базе актуарных (т. е. счетных) таблиц с высокой вероятностью предсказать, сколько из них выживет, и рассчитать темпы сокращения этой когорты с течением времени. На этой основе можно определить потребности в образовании, здравоохранении и т. д. Но первоначальные решения являются неопределяемыми и носят социологический характер.

Существуют три вида экономического прогнозирования. Первый — простое исследование рынка, основанное на данных о доходах, распределении населения по возрастам, составе семьи и предполагаемых потребностях, что используется фирмами для оценки потенциального спроса, определения объемов товарных запасов и принятия решений о выпуске новых изделий. Второй и наиболее стандартизированный способ заключается в создании временных серий макропеременных — индексов оптовых и потребительских цен, объемов промышленной продукции, производительности в сельском хозяйстве, уровня безработицы и сотен других, — которые служат индикаторами деловой активности и по совокупности которых может быть сделан прогноз состояния экономики. Третий и наиболее сложный вид — эконометрическая модель, которая путем определения фактического взаимодействия важнейших зависимых и независимых переменных пытается имитировать реальную экономическую систему в целом.

Идея постиндустриального общества, являющаяся темой данной книги, и представляет собой прогноз перемен в социальной структуре западного общества.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Структура общества — это не слепок с социальной реальности, а концептуальная схема. История — это поток событий, а общество — переплетение многих разнородных отношений, которые познаются не только простым наблюдением. Если мы осознаем различие между фактами и отношениями, то знание, как их комбинация, зависит от правильного сочетания фактического и логического порядков. Для опыта первичным является фактический порядок, а для смысла — логический. Разум познает природу, находя некий язык для выражения чего-то сущностного. Знание поэтому производно от категорий, которые мы используем для установления связей, — подобно тому, как восприятие в искусстве производно от принятых нами допущений, позволяющих видеть вещи «правильно». А. Эйнштейн однажды сказал: «Именно теория определяет, что нам дано увидеть». (Цит. по кн.: Heisenberg W. *Physics and Beyond: Encounters and Conversations*. N.Y., 1971. P. 63)

Все разумное действительно, все действительно разумно», — гласит известное изречение Г. Гегеля. Он не имел в виду, что существующее действительно. Как посткантианский философ, он соглашался с предположением, что эмпирическая реальность пребывает в постоянном изменении и что знание достигается только путем использования априорных категорий, необходимых для его организации. Таким образом, «действительное» представляет собой лишь базу для понятий, придающую смысл запутанному пустословию настоящего. Для Г. Гегеля реальность есть развертывание рациональности как рефлексивной активности познающего самого себя разума, давшей человеку возрастающую власть над природой, историей и самим собой.

В фундаментальном смысле понятие рациональности служит также и основной опорой социологической теории. Для Э. Дюркгейма, как он утверждал в работе «О разделении общественного труда», цивилизация имеет тенденцию становиться более рациональной, что является следствием усиливающейся взаимозависимости в мире, а также синкретизма и секуляризации культуры, ведущих к уничтожению разобщенности. В трудах М. Вебера понятие рациональности заняло центральное место в социологии. В своих последних лекциях, прочитанных зимой 1919/20 годов, он указывал, что современная жизнь состоит из «рационального расчета, рациональной технологии, рационального права и, наряду с ними, рационалистической экономической этики, рационального духа и рационализации в каждом аспекте жизни». (

Weber M. General Economic History. L., n.d. P. 354). Действительно, как отмечает Т. Парсонс, «концепция закона нарастающей рациональности как общего момента, присущего активным системам... является фундаментальным обобщением, вытекающим из работы М. Вебера». И, рисуя занятую параллель (возможно, пророческую?), Т. Парсонс в заключение пишет: «Рациональность играет в отношении активных систем роль, аналогичную той, какую энтропия играет в физических системах». (

Parsons T. The Structure of Social Action. N.Y., 1937. P. 752).

Эти теории рациональности уходят корнями в идеи XIX века об отношении человека к природе и обществу и представляют собой развитие концепций прогресса, возникших в конце XVIII столетия. Какими бы ни были их философские оттенки, эти теории получили практическое воплощение в развитии промышленности и в войнах. Развитие каждого сформировавшегося индустриального общества и возникновение общества постиндустриального зависят от распространения определенных оттенков рациональности. Однако нас интересует сейчас то представление о рациональности, которое возникло в настоящее время, и я попытаюсь проследить, как технократия — порождение этих представлений — связана с политикой. (Напряженность, существующая между технократией и культурой, в равной мере является одной из основных проблем современного общества.)

Более полутора столетия назад человек блестящего ума, маниакально увлеченный технократией, Клод Анри де Рувруа, граф де Сен-Симон («последний джентльмен и первый социалист» во Франции), популяризировал слово «индустриализм» для обозначения им возникающего общества, в котором богатство должно создаваться путем производства с использованием машинной техники, а не захватываться в результате грабежей и войн. Французская революция, положившая конец феодализму, по словам А. де Сен-Симона, могла бы возвестить приход индустриального общества, но не сделала этого, так как ею воспользовались метафизики, законники и софисты, то есть люди, склонные к абстрактным лозунгам. По мнению А. де Сен-Симона, необходимо было воспитать «новых людей» — инженеров, строителей, плановиков, — которые обеспечили бы необходимое руководство. А поскольку такие лидеры требуют особого воодушевления, А. де Сен-Симон незадолго до смерти поручил композитору Руже де Лиллю, создавшему «Марсельезу», написать новую, «Промышленную Марсельезу». Премьера этой «Chant des Industriels», как она была названа, состоялась в 1821 году, на открытии А. де Сен-Симоном и его другом, мануфактуристом Терно, новой текстильной фабрики в Сент-Уэне. (Этот эпизод носит несколько комический характер, особенно если иметь в виду, что многие приверженцы графа создали новый религиозный культ сенсимонизма для канонизации его учений. (В монастырском замке, где уединялись последователи (новой религии), они носили одежды с застежками на спине, чтобы в духе социализма каждый, одеваясь, был вынужден обращаться за помощью к другому; так педагогика подкреплялась ритуалом.) Между тем многие из этих последовательных приверженцев А. де Сен-Симона оказались в числе людей, в середине XIX века переключивших индустриальную карту Европы.

Достаточно сказать, — писал профессор Ф. Маркхэм, — «что сен-симонисты были основной

силой, поддерживавшей широкую экономическую экспансию Второй империи, в особенности в развитии банков и железных дорог». Анфантен, самый эксцентричный из них, создал общество, проектировавшее Суэцкий канал. Бывшие сен-симонисты построили множество железных дорог — в Австрии, России и Испании. Братья Эмиль и Исаак Перейра, содействовавшие строительству первой французской железной дороги от Парижа до Сен-Жермена, основали первый во Франции индустриальный инвестиционный банк, «Credit mobilier», а также крупную судоходную компанию Compagnie General Transatlantique (сегодня эксплуатирующую такие суда, как «Франция» и «Фландрия»), которая дала первым своим кораблям имена известных сен-симонистов, включая и имя самого А. де Сен-Симона, присвоенное суду водоизмещением в 1987 тонн. Подробнее см.:

Markham F.M.H. Henri Comte de Saint-Simon: Selected Writings. Oxford, 1952).

Можно относиться к делам А. де Сен-Симона и его последователей как к курьезу, но, поскольку он в некотором смысле был отцом технократии, мы можем воспользоваться его стилем для описания постиндустриального общества и его технократических основ.

Сейчас мы находимся на начальных этапах постиндустриального общества. Мы стали первой в мировой истории страной, в которой более половины работающего населения не занято непосредственно производством продуктов питания, одежды, жилья, автомобилей и других материальных благ.

Изменился и характер труда. В докладе, прочитанном в Кембриджском реформаторском клубе в 1873 году, великий экономист неоклассического направления А. Маршалл выдвинул вопрос, отразившийся в самом названии его работы «Будущее трудящихся классов». «Вопрос, — говорил он, — заключается не в том, будут ли в конечном итоге все люди равны — этого, безусловно, не будет, — а в том, может ли прогресс неуклонно, хоть и медленно, продолжаться до тех пор, пока, по крайней мере в профессиональном смысле, каждый человек не станет джентльменом». И сам отвечал: «Да, может, и это станет реальностью».

Маршалловское определение джентльмена — в более широком, нетрадиционном, смысле — предполагало, что тяжелый, изнуряющий труд, опустошающий душу, должен исчезнуть, а работающий человек начнет ценить образование и досуг. Не вдаваясь в качественную оценку современной культуры, ясно, что ответ на поставленный А. Маршаллом вопрос вот-вот будет найден. Происходит сокращение класса, занимающегося ручным и неквалифицированным трудом, тогда как на другом полюсе социальной стратификации класс интеллектуальных работников становится доминирующим.

Определяя новую, зарождающуюся социальную систему, важно не только исследовать явные социальные тенденции, такие, как отход от ручного труда или возникновение новых общественных отношений; важнее определить характер новой системы. Наиболее значимым для постиндустриального общества становится не переход от собственности или политических критериев к знанию как фундаменту новой власти, а изменение

характера самих знаний. Для нового общества становятся характерными доминирующая роль

теоретических знаний, господство теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные системы символов, которые могут быть применены ко множеству самых различных ситуаций. Сейчас каждое общество живет нововведениями и ростом, и их основой являются именно теоретические знания. С прогрессирующим совершенствованием компьютерного моделирования различных процессов — моделирования экономических систем, общественного поведения или различных вариантов разрешения проблем — перед нами впервые открылись возможности широкомасштабных «контролируемых экспериментов» в общественных науках. Они, в свою очередь, позволят планировать альтернативные

перспективы в различных областях, значительно расширяя тем самым пределы определения и контроля обстоятельств, оказывающих влияние на нашу жизнь.

1. Как изменяются социальные системы

Социальные системы изживают себя медленно. В 50-е годы XIX века К. Маркс думал, что «исторический революционный процесс и уже разрушает буржуазное общество и вплотную подводит Европу к социализму». Он боялся, что окончательный переворот произойдет раньше, чем он закончит свое великое обоснование этому в «Капитале», и писал Ф. Энгельсу в конце 1857 года: «Я работаю, как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах». (В своей речи, произнесенной в 1856 году, он прибег к метафоре из области геологии: «Так называемые революции 1848 года были лишь мелкими эпизодами, незначительными трещинами и щелями в твердой коре европейского общества. Но они вскрыли под ней бездну. Под поверхностью, казавшейся твердой, они обнаружили колыхающийся океан, которому достаточно прийти в движение, чтобы разбить на куски целые материки из твердых скал». Также интересна мысль К. Маркса, развитая им в последующие годы, о том, что никакая социальная система не исчезает до тех пор, пока не будет исчерпан весь ее потенциал для развития, мысль, которую он выдвинул в противовес утопистам, левакам и политическим авантюристам, которые считали, что только «воля» способна привести к социальной революции. Речь 1856 года была произнесена на юбилее чартистской газеты «People's Paper» и напечатана в:

Marx K. Selected Works. Vol.2 Moscow, 1935 P. 427 [перевод этой цитаты приводится по:

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 12. С. 3–5); письмо к Ф. Энгельсу цитируется в редакторских примечаниях к изданию: The Correspondence of Marx and Engels. N.Y., 1936. P. 225–226 [перевод этой цитаты приводится по:

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 29. С. 185].) Между тем, хотя в то время и отмирал еще более старый социальный строй, даже он просуществовал еще полвека после этих событий. (В мемуарах «Gesichter und Zeiten», опубликованных за два года до своей смерти в 1935 году, немецкий граф и известный издатель Г. Кесслер, родившийся в 1868 году, возвращаясь к восьмидесятым годам, вспоминал о широко распространенном чувстве того, что «некогда очень великая, старая, космополитическая, все еще по-прежнему аграрная и феодальная Европа, мир красивых женщин, галантных королей, династических связей, — Европа восемнадцатого столетия и Священного союза, постарела, стала немощной и медленно умирает, и что-то новое, молодое, пока невообразимое, должно появиться». Цитируется по: The New Yorker. January 15, 1972.) В нашу эпоху сокращающегося социального времени мы забываем, что могущественные монархические системы просуществовали до 1918 года в Германии, России, Австро-Венгрии (что составляет значительную часть Центральной Европы) и Италии. В Англии же небольшая верхушка общества, члены которой близко знают друг друга, все еще управляет страной. Коммунистическая революция родилась из пепла первой мировой войны, но этот большой пожар не столько уничтожил капитализм, сколько окончательно покончил с политическими пережитками феодализма.

Через девяносто лет после смерти К. Маркса капитализм все еще господствует в западном мире, в то время как, сколь это ни парадоксально, коммунистические движения пришли к власти в основном в аграрных и доиндустриальных государствах, в которых «социалистическое планирование» стало в значительной мере альтернативным путем

индустриализации. Таким образом, предсказание скорого краха капитализма является рискованным занятием, и, если исключить развал политической надстройки этой системы вследствие войны, социальные формы управленческого капитализма — корпоративные предприятия, частный механизм принятия инвестиционных решений, различия в привилегиях, базирующиеся на контроле над собственностью, — вероятнее всего, сохранятся еще в течение долгого времени.

Тем не менее функциональная основа системы изменяется и становятся заметными характерные черты нового общества. Исторические перемены происходят в двух важных направлениях. Первым является отношение экономической функции к другим основным социальным функциям. К.Маркс в своем взгляде на капиталистическое общество сделал акцент на классовой разделенности как источнике напряженности, на эксплуатации рабочих экономической системой, и предсказал политический переворот и установление нового социального порядка в результате преодоления классового типа социума. В то же время Э. Дюркгейм, основываясь на теории индустриального общества, видел источник беззакония и разрушения социальной жизни в отсутствии механизмов, способных ограничить проявления самой экономической функции. Как он писал в 1890 году, «социальная функция не может существовать без моральной дисциплины». В противном случае ничего не остается, кроме индивидуальных appetites, а так как они по своей природе безграничны и ненасытны, то в случае, когда над ними не существует контроля, они сами не в состоянии себя сдерживать. Именно вследствие этого происходит кризис, от которого страдают в настоящее время европейские общества. В течение двух веков экономическая активность развивалась такими темпами, как никогда ранее. С периферийных позиций, которые она занимала прежде, третируемая верхами и оставленная низшим классам, она на наших глазах вышла на передовые рубежи. Перед ней отступают на задний план военные, административные и религиозные функции. Лишь научные институты оспаривают ее приоритет, но даже наука вряд ли столь престижна в наши дни, кроме как в своем прикладном значении, и, следовательно, главным образом обслуживающая бизнес. Вот почему можно с известной долей уверенности сказать, что общество является (или имеет тенденцию стать) индустриальным». (

Durkheim E. Professional Ethics and Civic Morals. Glencoe (111.), 1958. P. 10–11. Эти лекции, не издававшиеся при жизни Э. Дюркгейма, впервые увидели свет в Турции (опубликованные Стамбульской школой права) и Франции (в издании Press Universitaires de France) в 1950 году. Сам курс был прочитан в Бордо в 1890 и 1900 годах и повторен в Сорбонне в 1904 и 1912 годах. Приведенная выше цитата в слегка сокращенном виде появилась в авторском предисловии ко второму изданию книги «Разделение труда», которое вышло в свет в 1902 году под названием «*Quelque Remarques sur les Groupements Professionels*» (см.:

Durkheim E. The Division of Labor in Society. N.Y. 1933. P. 3). В последних двух строках цитаты я использовал формулировку из предисловия к работе «Разделение труда», поскольку она усиливает точность смысла слов Э.Дюркгейма.) Главная проблема подобного социума, таким образом, — не классовый конфликт, который оставался побочным аспектом неограниченной конкуренции в сфере заработной платы, а нерегулируемый характер самой экономической функции, [имеющий место] даже тогда, когда наблюдается вмешательство государства.

Решающим социальным изменением, происходящим в наше время, — обусловленным зависимостью людей от сложного характера экономических процессов, возникновением проблемы внешних побочных эффектов, а также необходимостью контроля за последствиями научно-технического прогресса, — стало подчинение экономической функции политическому фактору. Формы, которые примет этот процесс, будут варьироваться и определяться историческими особенностями различных политических систем — централизованным государственным контролем, государственными корпорациями, децентрализованными предприятиями и центральной системой политических директив, смешанными государственными и частными предприятиями и т. п. Одни из них будут демократичными,

другие — нет. Но главный факт очевиден: автономия экономики (и власти людей, которые ею управляют) приходит к концу; возникают новые, качественно отличные системы управления. Контроль над обществом перестает носить в основном экономический характер и становится преимущественно политическим.

Второй важнейший исторический сдвиг — отделение общественной функции (или места человека в обществе, обычно задаваемого характером его занятий) от собственности. В западном обществе, особенно на капиталистической стадии развития, общественная функция могла быть трансформирована в собственность (землю, машины, акции и т. д.), которая сберегалась как богатство и передавалась по наследству в целях создания преемственности прав — привилегий, которые постепенно оформились в социальную систему. В новом обществе, которое формируется ныне, индивидуальная частная собственность теряет свое общественное предназначение (защиты труда в том смысле, как это понимал Дж. Локк, контроля или управления производством, вознаграждения за риск) и сохраняется лишь как функция.

Автономность функции, или техническая компетентность, была основой технократической теории А. де Сен-Симона. Она стала базой нравственного подхода выдающегося английского социалиста и историка народного хозяйства Р.Г. Тауни. В своем авторитетном трактате «Стяжательское общество» он доказывает, что владение собственностью потеряло связь с моральным правом быть основой вознаграждений и поэтому стало в меньшей степени критерием престижа или социального положения, чем функцией, которую он определил «как активность, заключающую в себе и выражающую собой идею социальной цели». (

Tawney R.H. *The Acquisitive Society*. N.Y., 1920. P. 8. См. в особенности главы шестую — «Функциональное общество» и десятую — «Положение работника умственного труда».)

Р.Г. Тауни дает определение

профессионализма, и если его теория верна, то сердце постиндустриального общества — это класс, который прежде всего является профессиональным классом. Хотя границы, возникающие при определении статуса каждой группы, подвижны и зачастую расплывчаты, тем не менее ядро определяющих его элементов четко обозначено. (Классическое обсуждение этого вопроса можно найти в:

Carr — Saunders A.M., Wilson P.A. *The Professions*. Oxford, 1933 (особенно в четвертой части «Профессионализм и общество будущего»), суммированное изложение концепции — в статье:

Parsons T. *Professions* // *The International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 12. N.Y., 1968. Ряд независимых дискуссий по вопросу о профессионализме освещен в:

Wilensky H. *The Professionalization of Everyone* // *American Journal of Sociology*. Vol. 70. No. 2. September 1964 и Jackson J.A. (Ed.) *The Professions and Professionalization*. Cambridge (UK), 1970.) Профессия — это теоретически усвоенная (т. е. постигаемая) деятельность, и, таким образом, она предполагает процесс формальной подготовки, но в широком интеллектуальном контексте. Принадлежность к какой-либо профессии означает формальное или неформальное признание этого людьми или специальным официальным органом. При этом профессия содержит в себе норму социальной ответственности. Это не означает, что профессионалы более великодушные или идеалистически настроенные люди, но ожидаемая модель их поведения по сравнению с другими гражданами предопределяется этикой их деятельности, которая, как правило, первична по отношению к этике эгоизма. (Можно сказать, что бизнес «подотчетен» потребителям через рынок, в то время как профессионал «подотчетен» своим руководителям в пределах профессиональной группы. Собственность ассоциируется с богатством, которое передается непосредственным юридическим образом;

профессия определяется навыками, передающимися лишь опосредованно через культуру, которую могут унаследовать дети представителей класса профессионалов.) По этим причинам представление о профессионализме включает в себе идею компетентности и авторитета технического и морального порядка и предполагает, что профессионал имеет основания занять заметную позицию в иерархической структуре общества.

В шестой главе я уже останавливался на изменениях, которые претерпели классы и власть в индустриальном обществе. Исходя из этих посылок, можно попытаться оценить тенденции будущего развития. Если рассматривать социальную структуру постиндустриального общества в двух отмеченных выше аспектах, можно сделать два вывода. Во-первых, основной класс в нарождающемся социуме — это прежде всего класс профессионалов, владеющий знаниями, а не собственностью. Но, во-вторых, система руководства обществом определяется не передачей власти по наследству, а политической системой, и вопрос о том, кто стоит у ее руководства, остается открытым. СХЕМА Социальная структура постиндустриального общества (американская модель)

I. Статусные группы: ось стратификации основывается на знании (горизонтальные структуры)

A. Класс профессионалов — четыре сословия:

научное технологическое (прикладные типы знания: инженерные, экономические, медицинские)

административное культурологическое (художественная и религиозная деятельность)

Б. Техники и полупрофессионалы

В. Служащие и торговые работники

Г. Ремесленники и полуквалифицированные рабочие («синие воротнички»)

II. Ситусные группы: сферы приложения профессиональной деятельности (вертикальные структуры)

Д. Экономические предприятия и коммерческие фирмы

Б. Правительство (юридическая и административная бюрократия)

В. Университеты и научно-исследовательские институты

Г. Социальная сфера (больницы, службы быта и т. д.)

Д. Военные

III. Контролирующая система: политическая организация общества

A. Высший эшелон власти

Аппарат президента

Лидеры законодательной власти

Руководители бюрократии

Высшее военное руководство

Б. Политические группы: социальные объединения и группы давления:

Партии

Элиты (научная, академическая, деловая, военная)

Мобилизованные группы:

а) функциональные группы (деловые, профессиональные, группы, выделяемые на основе специфики труда)

б) этнические группы в узконаправленные группы:

(1) функциональные (мэры городов, бедняки и т. д.)

(2) группы носителей специфических интересов (молодежь, женщины, гомосексуалисты и т. д.).

С точки зрения статуса (престиж, признание и, возможно, доходы) класс профессионалов может стать высшим классом нового общества, но в самой его структуре отсутствует потенциал для формирования нового класса как на основе корпоративных характеристик нового экономического класса, так и нового политического класса, претендующего на власть. Причины этого становятся очевидными после изучения вышеприведенной схемы.

Класс профессионалов, как я его определяю, состоит из четырех сословий: научного, технологического, административного и культурного. (Идея разделения на четыре сословия заимствована из весьма заметной книги:

Price D.K. *The Scientific Estate*. Cambridge (Ma.), 1965. Д. Прайс выделяет четыре функции правительства — научную, профессиональную, административную и политическую — и преобразует каждую из них в качестве идеального типа в отдельное сословие. Мои разногласия с Д. Прайсом лежат в двух плоскостях: я думаю, что сословия могут быть более точно определены как социальные группы, нежели как функции; что более важно, я не считаю, что

политическая функция логично поставлена в один ряд с другими, так как я рассматриваю ее в качестве контролирующей системы всей социетарной структуры. В терминологическом отношении там, где Д. Прайс употребляет понятие «профессиональный», я применяю слово «технологический» (подразумеваю прикладные знания), поскольку использую его для более широкого обозначения его класса; я также выделяю и культурологическое сословие, чего не делает Д. Прайс. Тем не менее я испытываю по отношению к нему чувство глубокой признательности.) Хотя эти сословия в целом связаны общим этосом, они не имеют объединяющих их глубинных интересов, за исключением совместной защиты идеи познания; фактически их многое разделяет. Научное сословие осуществляет фундаментальные исследования и, естественно, озабочено поиском путей защиты условий их проведения, свободных от политического и любого другого внешнего влияния. Технократы, будь то инженеры, экономисты, физики, основывают свою работу на системе кодифицированных знаний, но применение таковых для социальных или хозяйственных целей оказывается ограниченным политикой общественно-экономических структур, к которым они принадлежат. Управленческие слои заняты руководством организациями, и они связаны как эгоистическими интересами самой организации (ее сохранением и расширением сферы ее влияния), так и выполнением социальных задач, и могут входить в конфликт с любой другой профессиональной общностью. Культурное сословие — представители искусств и религиозные деятели — выражает себя в символизме (пластическом или идейном) форм и понятий; однако в том случае, если оно будет в большей степени увлекаться понятийным символизмом, оно может входить во все более враждебное состояние по отношению к технократам и управленцам. Как я уже отметил в Предисловии, осевой принцип современной культуры с ее сосредоточенностью на личности является антиномичным и

антиинституциональным и потому враждебен принципу функциональной рациональности, который в целом определяет специфику применения знаний технологическим и административным сословиями. Таким образом, в постиндустриальном обществе все больше обнаруживает себя отрыв от социальной структуры, который неизбежно влияет на взаимосвязи и даже затрагивает корпоративное сознание четырех профессиональных сословий. (Легко заметить, что наиболее экстремистские формы «нового сознания», выраженные, например, в работах:

Rozsak T. The Making of a Counter-Culture. [N.Y., 1964] или

Reich Ch. The Greening of America.[N.Y., 1970], - отличаются открытой враждебностью не только по отношению к сайентизму, но и к науке в целом.)

В то время как классы могут быть расположены горизонтально по

статусному принципу (возглавляемые четырьмя профессиональными сословиями), общество организовано вертикально по принципу разделения на

ситусы, которые являются действительным фокусом профессиональной активности и интересов. Я использую не вполне привычный социологический термин

ситусы, чтобы подчеркнуть тот факт, что в повседневной деятельности взаимодействие и конфликт интересов происходят скорее между организациями, к которым относятся люди, нежели между более расплывчатыми классами или статусными группами. В капиталистическом обществе собственники или бизнесмены, взятые как класс, сосредоточены исключительно в коммерческих фирмах или корпорациях, и, таким образом, статусные и ситусные группы совпадают. В постиндустриальном обществе, однако, члены четырех профессиональных сословий входят в состав различных ситусов. Ученые могут работать на предприятиях, в государственном аппарате, университетах, в сфере услуг или в военной области (хотя значительная часть «чистых» ученых может быть найдена в университетах). Аналогичным образом распределены технократы и управленцы. Из-за этого «разброса» вероятность чистого корпоративного сознания, способного к яркому политическому выходу, имеет тенденцию к уменьшению.

Наконец, если важнейший исторический поворот последней четверти века сводится к подчинению экономической функции социальным целям, то политическая система неизбежно превращается в контролирующую структуру общества. Но кто управляет ею и в чьих (или каких) интересах? Прежде всего это изменение может означать, что традиционные социальные конфликты просто сместились из одной сферы в другую, что борьба традиционных классов в сфере экономики, где люди добивались сравнительных преимуществ в статусе, привилегиях и влиянии, в настоящее время переместилась в сферу политики, и по мере этого процесса группы носителей специфических интересов и этнические группы (бедные и черные) сейчас стремятся получить посредством политических действий привилегии и преимущества, которые они не в состоянии приобрести в экономической сфере. Именно этот процесс происходил в последние годы, и он будет продолжаться в будущем. Второй, и в структурном отношении более глубокий, сдвиг сводится к тому, что в постиндустриальном обществе ситусы в большей мере, чем статусы, будут представлять собой зоны сосредоточения основных политических интересов. В какой-то мере это проявляется в уже знакомом феномене групп давления. Однако в постиндустриальном обществе более вероятно, что именно ситусы достигнут больших корпоративных связей между собой и станут главными претендентами на общественную поддержку и основными факторами, определяющими государственную политику. (Ограниченность данного анализа определяется тем, что хотя постиндустриальное общество по своей социетарной структуре становится в значительной степени

функциональным обществом, политическая система неорганизована по функциональному принципу. Так, существующие традиционные географические районы и соответствующее рассредоточение людей означают, что политические вопросы в каждый конкретный момент более всепроникающи, чем интересы какой-либо статусной или ситуативной общности. Это также указывает на то, что ситуативные группы, как и группы давления, действуют прежде всего через лоббирование законодательной и исполнительной власти, нежели воздействуют напрямую через механизм выборов. Реальность серьезно усложняет любые идеальные представления.) И тем не менее те же силы, которые восстановили примат политической системы в технологическом мире, создали обстановку, при которой потребовалось определить ряд взаимосвязанных целей этого процесса и четко сформулировать общественную философию, которая представляла бы собой нечто большее, чем сумму политических амбиций людей, объединенных по принципу единой сферы общественной деятельности или социальных групп. В попытках создания этой взаимосвязи можно обнаружить зачатки конституирующих принципов профессионального класса постиндустриального общества.

Новая социальная система, в отличие от того, что утверждает К.Маркс, не всегда зарождается в недрах старой, но в ряде случаев вне ее. Основу феодального общества составляли дворяне, землевладельцы, военные и священнослужители, чье богатство было связано с собственностью на землю. Буржуазное общество, зародившееся в XIII веке, сложилось из ремесленников, купцов и свободных профессионалов, чья собственность состоит в их квалификации или их готовности идти на риск и чьи земные ценности совершенно несовместимы с уходящей театральностью рыцарского стиля жизни. Однако оно зародилось вне феодальной землевладельческой структуры, в свободных общинах или городах, которые к тому времени уже освободились от вассальной зависимости. И эти маленькие самоуправляющиеся общины стали основой европейского торгового и индустриального общества. (Парадокс состоит в том, что прогресс этого общества начался только после того, как его корни, уходящие в замкнутую хозяйственную жизнь общины, были подорваны широкомасштабной индустриализацией, когда появление отдельных отраслей промышленности дало возможность покупать сырье в одном городе и продавать продукцию в другом, процессом, который пробивал себе путь как сквозь отжившие феодальные порядки, так и регулирующие ограничения цехового строя, и развертывался параллельно с политической централизацией нарождающегося национального государства в рамках абсолютной монархии.)

Такой же процесс происходит в настоящее время. Корни постиндустриального общества лежат в беспрецедентном влиянии науки на производство, возникшем в основном в ходе преобразования электроэнергетической и химической отраслей промышленности в начале XX века. Но, как заметил Р. Хейлбронер: «наука, как мы знаем, зародилась задолго до капитализма, но не получала своего полного развития до тех пор, пока капитализм прочно не встал на ноги». И наука как квазиавтономная сила будет развиваться и после капитализма. Исходя из этого можно сказать, что научное сословие — его форма и содержание — является монадой, содержащей в себе прообраз будущего общества. (Этот подход предложен Р. Хейлбронером (см.:

Heilbroner R. The Limits of American Capitalism. N Y., 1966. P. 115). Он утверждает: «...Аналогично первым проявлениям зарождающегося рынка в эпоху средневековья, наука и созданная на ее основе технология возникают как огромная подземная река, извилистое течение которой прорывается на поверхность в эпоху капитализма, но которая берет начало из весьма далеких истоков. Однако сходство на этом и заканчивается. При наличии рыночных отношений река научных перемен, выходя на поверхность, должна прокладывать свое русло в сложившемся социальном ландшафте, что, как и в случае денежных отношений в период средневековья, глубочайшим образом изменяет привычные очертания местности. Таким образом, если мы зададимся вопросом, существует ли какая-то сила, которая может стать со

временем достаточно мощной, чтобы подорвать систему привилегий и функции капитализма и создать на ее месте собственные институты и социальные структуры, мы должны признать, что только одна сила является решающей в нашу эпоху — сила науки инаучной технологии»

(Heilbroner R. *The Limits of American Capitalism*. P. 116–117).

Я думаю, что хотя первоначальное предположение может быть и правильным, Р. Хейлбронер упускает из виду метаморфозу самой науки, когда она становится «Большой наукой» и тесно переплетается с государством в решении современных социальных и политических проблем. Именно эта метаморфоза, как я показываю в ходе последующего изложения, делает проблематичной утопическую составляющую постиндустриального общества.

2. Будущее науки. Этос науки

Хотя идея науки восходит еще ко временам Древней Греции, организация научных работ в основном начинается в XVII веке созданием академий или научных обществ, находившихся на содержании богатых меценатов и развивавшихся вне университетской системы, с целью поощрения научных исследований. Институционализация научных работ, однако, развивается только с учреждением национальных академий, как во Франции в конце XVIII столетия, и развитием наук в университетских центрах начавшемся в Германии в XIX веке, а также с созданием научных лабораторий при университетах, которые стали центрами научных сообществ в конкретных областях знаний. (Вопрос о начальных стадиях организации науки кратко, но ясно изложен в работе:

Hall A. R. *The Scientific Revolution, 1500–1800*. L., 1954. Chap. 7; об институционализации науки в последние два столетия см.:

Ben-David J. *The Scientist's Role in Society*. Englewood Cliffs (N.J.), 1971. Й. Бен-Дэвид следующим образом описывает новую роль университетов: «Начиная с середины XIX века, лаборатории ряда немецких университетов стали научными центрами, а в некоторых случаях виртуальным средоточием первоклассных научных умов того времени, ведущих исследования в тех или иных областях. Либих в Гессене и И. Мюллер в Берлине, вероятно, первыми приходят на ум среди ученых такого уровня, которые работали совместно с огромным количеством талантливых учеников и последователей в своей узкой области в течение долгого времени, всецело отдаваясь своему делу до тех пор, пока не добивались ведущих позиций в мировой науке. К концу века лаборатории некоторых профессоров стали настолько известными, что самые способные выпускники университетов со всего мира приезжали сюда на некоторое время. Перечень студентов, работавших в этих лабораториях, зачастую включал практически всех видных ученых следующего поколения...»

Эти незапланированные и непредсказуемые процессы были более решительным шагом в деле организации науки, чем предшествовавшая ему реформа начала XIX века. Исследовательская работа становится регулярной сферой деятельности, и ученые в целом ряде областей начинают создавать более тесные сети общения между собой, чем раньше. Их ядрами стали университетские лаборатории, готовившие многих талантливых студентов и способствовавшие установлению между ними личных взаимоотношений, эффективных форм тесных связей, что положило начало сознательно сконцентрированным и скоординированным исследованиям в отдельных областях науки»(

Ben-David *The Scientist's Role in Society*. P. 124–125).

Несмотря на то, что университеты действовали в рамках государственной системы — в

Германии и Франции университеты и академии были государственными организациями, а их профессора были государственными служащими, — истинная автономность науки, как самоуправляющегося сообщества, распространялась на выбор направлений исследования, дискуссии относительно значимости того или иного знания, признание научных заслуг и присуждение званий и степеней. Эта автономия является центром этоса — и организации — научной деятельности.

И тем не менее, хотя моральная сила науки заключена в этосе саморегулирующегося научного сообщества, рост научного сословия в годы после окончания второй мировой войны, когда и зародилось постиндустриальное общество, изменил науку в такой степени, что возник коренной разрыв между сутью и традиционными методами организации науки и реальностью ее структуры и роли как Большой науки. Именно это разделение ставит вопрос: не может ли парадокс возникновения капитализма (см. примечание 10) быть повторен во взаимодействии науки и государства и не могут ли традиционные этос и имидж науки иметь иное значение в постиндустриальном обществе?

Научное сообщество — уникальное явление человеческой цивилизации. (В своем изложении традиционного имиджа — и внутренней логики — науки я основывался главным образом на работах:

Polanyi M. *The Logic of Liberty*. Part 1, L., 1951;

Weber M. *Science as a Vocation*// From Max Weber. N.Y., 1946; и

Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. Glencoe (111.), 1957. Chap. 15 и 16.

Это представление является идеальным типом и, как таковое, иногда противоречит действительности. Скептическая точка зрения по этому вопросу содержится в работе:

Rothman R.A. *A Dissenting View on the Scientific Ethos* // *British Journal of Sociology*. Vol. XXIII. No. 1. March, 1972.) У него нет идеологии, так как у него нет набора постулируемых догм, но у него есть нравственные устои, которые определяют неписанные нормы поведения. Это не политическое движение, в которое можно вступить по желанию и стать полноправным членом только на выборной основе, но движение, для принадлежности к которому необходимы талант и убеждения. Это не церковь, где элемент веры базируется на догме и уходит в таинство, однако вера, страсть и таинство присутствуют, хотя они направлены на поиск объективных знаний, предназначение которых состоит в том, чтобы проверять и ниспровергать старые верования. Как почти каждое человеческое учреждение, оно имеет свою иерархию и систему привилегий, но этот порядок уникальным образом базируется исключительно на результатах и их одобрении научными авторитетами, а не на наследовании, возрастном цензе, грубой силе или изощренных манипуляциях. В общем, оно представляет собой разновидность социального контракта, но в форме, которую не предвидели Т. Гоббс или Ж.-Ж. Руссо, так как, хотя и существует добровольное подчинение сообществу и возникающее на этой основе моральное единение, суверенитет не возникает насильственным путем; а совесть остается индивидуальным дедом каждого. По своему образу научное сообщество ближе всего к идеальному древнегреческому

полису — республике свободных мужчин и женщин, объединенных общей целью поиска истины.

Наука, как и религия, определяет ступени на жизненном пути. «Человек становится членом гражданского общества самим фактом своего рождения и оказывается полноправным гражданином, достигая определенного возраста. Но иначе обстоит дело в научной Республике, где необходимо тщательно искать своего места, которое даруется только избранным». Именно так Б. де Жувенель описывал начало этого процесса. Человек живет в рамках великой традиции, сформированной из ошибок и успехов прошлого. Первой

значительной ступенью становится университет. В школе ученик может заучивать доктрины, научные истины, «мертвые азы» науки. Университет же стремится к тому, чтобы студент осознал всю относительность знания и его вечно изменяющийся характер.

Быть ученым — значит быть учеником. Как и в искусстве, здесь иногда встречаются оригиналы или самоучки, но человек достигает научной квалификации благодаря руководству учителя. «В великих школах науки, — пишет М. Полани, — прививаются наиболее важные навыки научного поиска. Повседневная деятельность учителя раскрывает их способному студенту и передает ему также некоторые интуитивные знания, которыми он руководствуется в своей работе... Вот почему нередко великие ученые следуют за своими великими учителями в качестве учеников. Работа Э. Резерфорда несет на себе четкий отпечаток школы Дж. Дж. Томсона. Между тем не менее четырех Нобелевских лауреатов в свою очередь являются непосредственными учениками Э. Резерфорда...»

Если существует наставничество, то есть и последователи. Достаточно познакомиться с книгой В. Гейзенберга «Физика и за ее пределами», чтобы понять, что в 1920-х годах специалистам-ядерщикам передалось все мироощущение авангардистского движения. Молодые физики устремились в Гёттинген, Берлин, Копенгаген и Кембридж учиться у великих ученых и участвовать в захватывающей перестройке вселенной. Они ощущали свою принадлежность к особой системе и поддерживали близкие личные взаимоотношения. Впечатляет атмосфера сотрудничества и в то же время соперничества, в которой ученые, работавшие на передовых рубежах физики, такие, как Н. Бор, П. Дирак, Э. Шрёдингер, В. Гейзенберг, В. Паули находили друг друга, чтобы обменяться идеями и поговорить о физических проблемах; где такие корифеи, как Н. Бор, чувствовали возможности молодых и приглашали их к сотрудничеству либо вели с ними продолжительные беседы, позволявшие проверить и прояснить их взгляды. (В этом отношении наука подобна многим интеллектуальным или художественным сообществам, где живописцы или писатели творчески общаются друг с другом, а чувство общего интереса активизирует их работу. Примером может служить сообщество живописцев-абстракционистов 1950-х годов, когда такие художники, как Хофман, Поллок, де Кунинг, Стилл и Мазервелл, довели технику нанесения краски — то есть эффект текстуры какизмеритель живописи — до формальных пределов самой живописи и таким образом по существу исчерпали эту парадигму. Тем не менее, несмотря на то что они общались друг с другом (хотя Стилл и был отшельником), они необразовали

сотрудничающей группы для решения художественных проблем или придания завершенности некоей стадии интеллектуальной традиции. Наука же — это проверка

скоординированных знаний в рамках устойчивой парадигмы. Сколь бы ни были индивидуализированы исследования, их результаты призваны дать исчерпывающее изложение, если не доходчивые ответы, в определенной области.)

Ключевым моментом науки является определение предмета исследования. Последнее есть попытка решить вопрос, который не «задан», но сам по себе составляет проблему. Начало исследования основывается на предположении, что донныне неизвестные, но реальные силы являются связующим звеном совершенно различных феноменов, и научный метод сужает проблему до нескольких альтернатив, дающих возможность проведения опытной проверки. Теория — это не механический алгоритм, который лишь перебирает все возможные перестановки или комбинации, а представляет собой гипотезу, которую необходимо проверить. Если ученому не удалось провести этот эксперимент с особой тщательностью, то он, может быть, и приблизится к истине, но не сделает научного открытия в полном смысле этого слова.

Чтобы открытие было признано, оно должно подвергнуться жесткой критической оценке. Имеются «арбитры» первой ступени, чье благоприятное мнение способствует публикации

результатов исследований в научных журналах. Существуют и высшие авторитеты, чьи слова приносят уважение и признание. В научном сообществе, как и в других институтах, есть старейшины, которые зачастую входят в состав академий или других организованных структур и являются его неофициальными управителями. «Следуя их совету, — как отмечает М. Полани, — могут затормозить или ускорить исследования на новых направлениях... Присуждая премии и иные поощрения, они могут наделить перспективного первопроходца авторитетом и независимостью... В течение десяти лет или около того путем подбора соответствующих кандидатов на профессорские должности, которые ранее были вакантными, может быть образована новая научная школа. Эта проблема может быть решена даже более эффективно созданием новых профессорских должностей».

Наряду с этим процессом развивается и этос науки, основанный на нормах свободного исследования. Он воспринимается как обязательный не потому, что по техническим или процедурным соображениям эффективно способствует прогрессу научной работы, хотя это и так, но потому, что считается правильным с моральной точки зрения. Этот этос, систематизированный Р. Мертоном, состоит из четырех элементов: универсализма, коммунального характера, бескорыстия и всепроникающего скептицизма.

Источник: Библиотека Российского гуманитарного Интернет-Университета